

Го Нуань осторожно перебирал короткими лапами, приближаясь к Лэй Лижэню.

Маленький палевый щенок устроился у него на груди. Пусть его тяжесть и отзывалась тупой болью, Лэй Лижэнь едва ли это замечал — разве мог этот пустяк сравниться с невыносимой мукой разорванных меридианов?

Живое тепло непрерывным потоком струилось от щенячьего тельца к Лэй Лижэню. В этот морозный рассветный час слабая искорка чужого тепла оставалась единственным, что удерживало в нем угасающую жизнь.

Ему ведь следовало умереть еще вчера. Какое право он, калека с разорванными меридианами, имеет влачить жалкое существование?

Единственное, что он мог сделать перед смертью — согреть этого глупого щенка. Но тело его неумолимо леденело, и казалось, будто это маленький пес делился с ним остатками жизненных сил.

Лэй Лижэнь хотел усмехнуться собственной немощи, но не сумел.

«Зачем мне жить калекой? — билась в его угасающем сознании горькая мысль. — Какое право я имею осквернять этот мир своим присутствием? Я ведь даже лишиться себя жизни не способен. Неужели мне суждено беспомощно наблюдать за собственным медленным угасанием?»

Лэй Лижэнь судорожно прикусил язык. Резкая боль на мгновение отрезвила разум. Да, он мог бы покончить с собой прямо сейчас, захлебнувшись собственной кровью, уйти из жизни, так и не смыв позор. Но разве смирился бы он с такой участью? Неужели он действительно готов сдаться, пройти через все круги ада лишь для того, чтобы бесславно сгинуть на Кладбище брошенных душ, позабытый всеми?

Пройдут годы, и от него останется лишь горсть белого праха, затерянная среди безымянных могил. Неужели он согласен на это?

«Нет! Как я могу смириться?»

«Ни за что!»

— А-у-у... — Лэй Лижэнь хрипло взвыл. Этот звук, больше похожий на волчий рык, разорвал тишину. Из клубящейся вокруг него темной дымки он лихорадочно и яростно блеснул глазами.

Го Нуань вздрогнул от этого жуткого воя и поспешно отпрянул назад. Лишь секунду спустя он вспомнил, что искалеченный Лэй Лижэнь сейчас не способен даже пошевелиться, а значит, беззащитному щенку ничто не угрожает.

И все же в будущем этот мальчик сотрет с лица земли родной поселок, разрушит города, опустошит целые континенты и, вполне возможно, уничтожит сам мир. Для Го Нуаня он всегда оставался воплощением абсолютной тьмы — существом, чей разум отравлен чистейшей ненавистью ко всему живому.

Впрочем, весь роман «Боевое зло» был буквально пропитан гнилью человеческих пороков. Название говорило само за себя: в этом суровом мире, где правила бал грубая сила, не было места милосердию.

Го Нуань часто ловил себя на мысли: можно ли вообще считать злодеем того, кто в конце концов уничтожит эту вселенную? В мире, где большинство составляют праведники, злодей очевиден. Но если все вокруг погрязли в грехе, а мир раз за разом предает тебя, ломая ребра и вырывая душу... остается ли карающий его палач истинным злом?

Сейчас перед ним лежал всего лишь девятилетний ребенок, обреченный на невыносимые мучения из-за разорванных меридианов. Лишившись родителей в шестилетнем возрасте, мальчик метался по жестокому миру, словно сорванная ветром былинка.

В эту эпоху триумфа силы слабым оставалось лишь цепляться за сильных, из-за чего в обществе выстроилась жесткая и беспощадная иерархия кланов.

Отец Лэй Лижэня, Лэй Сян, когда-то возглавлял их клан. Семья Лэй жила в поселке Селань, расположенном неподалеку от города Юлань, что в стране Сюань на великом континенте Цзолань. Он хоть и звался поселком, но по масштабам превосходил многие окрестные поселения — его население насчитывало почти десять тысяч человек, а власть делили между собой три великие силы: семьи Се и Чэнь, а также школа боевых искусств Хэнъян.

Клан Лэй уступал им лишь самую малость. Лэй Сян долгие годы хранил верность своей супруге Вэнь Ваньчжи, страшаясь влияния ее знатного рода. Он клялся, что она останется его единственной спутницей до гробовой доски, но втайне все же завел содержанку на стороне. Обман вскрылся самым постыдным образом: любовница явилась прямо в их дом и прилюдно оскорбила законную жену. Обезумевшая от горя и позора Вэнь Ваньчжи зарезала неверного мужа прямо в супружеской постели, после чего покончила с собой.

Застигнутый врасплох Лэй Сян испустил дух в собственной постели, посмертно снискав жалость толпы. Гордая же Вэнь Ваньчжи, так слепо верившая в сказку о вечной любви, унесла в могилу лишь клеймо безумной убийцы. Осиротевшего Лэй Лижэня тут же нарекли проклятым знаменем, погубившим собственных родителей. Отношение к нему изменилось в мгновение ока: даже архитектурный ансамбль резиденции клана Лэй, некогда выстроенный вокруг величественного дома главы, перестроили так, чтобы отгородить сироту от остальных.

По совету великого старейшины Лэй Дуна мальчику позволили остаться в просторном отцовском доме, однако всю прилегающую территорию забросили, превратив ее в глухой, отрезанный от мира пустырь. Долгое время наивный Лэй Лижэнь испытывал к старейшине искреннюю благодарность — ведь не заступись тот перед советом, сироту попросту выбросили

бы на улицу.

Само имя Лэй Лижэня ясно давало понять: отец никогда не любил своего первенца. «Лижэнь» — острое лезвие, беспощадное оружие. Символ того, кто ранит и чужих, и своих. Нарекая сына столь тяжелым именем, Лэй Сян словно предрек ему судьбу, полную насилия и боли. Автор романа, Гэань Цзян, заложил в это имя метафору всего жизненного пути героя: путь боевых искусств, сокрушающий врагов и выжигающий собственную душу.

Мир «Боевого зла» покоился на суровых законах закалки. В этой вселенной изначальный хаос разделялся на фундаментальные потоки энергии. Путь истинного мастера начинался с Семи этапов закалки тела, продолжался Девятью этапами закалки духа и вел к Сфере Инь-Ян, где изначальная энергия плавилась в единое целое. Здесь властвовал простой закон природы: пока энергия концентрируется — ты живешь, рассеивается — обращаешься в прах.

Эта концепция перекликалась с даосским учением из прежней жизни Го Нуаня, где изначальная энергия считалась первоосновой бытия. В романе изначальная энергия, или юаньци, служила стержнем мироздания и главным источником силы для практиков. Прежде чем прикоснуться к ней, неофиты должны были пройти через Семь этапов закалки тела, укрепляя ключевые зоны: голову, шею, конечности, грудь, живот, таз и пах. Лишь после этого, завершив Девять этапов закалки духа и укрепив ментальную волю, практик наконец обретал способность управлять юаньци.

Овладение изначальной энергией открывало двери в совершенно иной мир возможностей. На бескрайних просторах семи континентов существовали тысячи тайных техник закалки, породивших великое множество могущественных повелителей.

Впрочем, клан Лэй из поселка Селань был лишь крошечной ветвью этого рода — одного из девяти великих семейств страны Сюанью. Основатель этой побочной ветви, Лэй Сюнь, когда-то являлся неприметным учеником в главной резиденции. По глупости он умудрился оскорбить старшего сына главы другого влиятельного клана. Каким бы могущественным ни был этот род, жертвовать важным союзом ради безродного выскочки никто не стал. Его с позором изгнали, вычеркнув его имя из семейных хроник. Ему милостиво позволили сохранить фамилию, но отправили в бессрочную ссылку — прочь из блистательной столицы, города Аньяна, в глухую провинцию.

Однако, обладая крепкими основами воинских искусств, изгнанники не пропали. Со временем они основали в Селане собственный клан, который разросся до ста человек и уступал влиянием лишь трем великим силам поселка.

Если забыть о тех чудовищных деяниях, которые Лэй Лижэнь совершит в будущем, сейчас этот девятилетний мальчик оставался лишь глубоко несчастным, брошенным всеми ребенком. На душе у Го Нуаня было беспокойно.

Сам Го Нуань вырос в благополучном и мирном двадцать первом веке. Конечно, люди в его прежнем мире не были святыми, но тамошние нравы и близко не походили на кошмары

«Боевого зла». Здесь, на бескрайних пустошах и в тесных городах, не существовало искренней привязанности — лишь сухой расчет, интриги и бесконечные предательства.

Прожив в сытости и покое двадцать пять лет, Го Нуань вовсе не считал себя благородным героем, готовым броситься на помощь первому встречному. Ему, как и большинству жителей мегаполисов, была свойственна легкая отстраненность. И все же для близких он никогда не жалел сил. Друзья часто говорили, что за его напускным равнодушием скрывается на редкость отзывчивая душа. Просто эту заботу он дозировал, оберегая тех, кто ему дорог.

В остальном же он оставался самым обычным затворником, с той лишь разницей, что без ума любил книги и кино, обладая врожденным литературным чутьем. Его отец, профессор древнекитайской словесности, и мать, посвятившая жизнь молекулярной химии, представляли собой вечный союз льда и пламени. Го Нуань частенько забавлялся, наблюдая, как в их семейных спорах сталкиваются строгие формулы и изящные метафоры.

Для него вымышленные вселенные всегда казались осязаемыми, полными скрытой жизни.

Он успел прочесть чуть больше тысячи глав, когда неведомая сила забросила его по ту сторону страниц. Чтобы осилить этот монументальный труд в семь миллионов иероглифов, требовались недели упорного чтения. Для Го Нуаня Лэй Лижэнь был мимолетным спутником нескольких бессонных ночей, но для самого героя эти главы описывали долгие годы мучительной борьбы за выживание.

Многие обыватели лишь снисходительно усмехнулись бы, узнав, с каким трепетом заядлые читатели относятся к вымышленным персонажам. И все же эта связь была реальной. Лэй Лижэнь стал для него кем-то важным — путеводной нитью сквозь чужую, выстраданную судьбу.

Теперь, когда этот книжный персонаж лежал прямо перед ним на сырой земле, Го Нуань растерялся. Какая-то часть его души, воспитанная на историях о великих свершениях, требовала вмешаться, спасти, изменить сюжет. Но здравый смысл холодно напоминал: он сам заперт в теле крошечного щенка и едва ли способен пережить следующую ночь. Какое право он имеет кого-то жалеть? К тому же никто не выдал ему инструкций. Как прикажете налаживать контакт с будущим тираном, если ты даже членораздельно говорить не умеешь? О том, чтобы прибиться к будущему владыке и стать его верным питомцем, нечего было и думать.

Пожалуй, самым разумным решением было дожждаться тех, кто должен прийти мальчику на помощь по сюжету, а затем тихо убраться восвояси.

Убежать как можно дальше, пока этот несчастный ребенок не превратился в чудовище, готовое утопить мир в крови.

«Ну неужели этот проклятый автор, Гэань Цзян, не мог наделить меня человеческим телом? — мысленно сокрушался Го Нуань. — Или хотя бы подсказать, что делать? Зачем загонять в такой тупик?»

Перебирая лапками, он нерешительно приблизился к раненому. Взгляд мальчика, затуманенный пеленой боли, выражал лишь абсолютное, леденящее душу безразличие к собственной жизни. Из уголка его рта тонкой струйкой потянулась темная кровь.

«Он что, пытается откусить себе язык?!»

Го Нуань оцепенел от ужаса. В романе этот промежуток времени — с момента, как покалеченного мальчика выбросили на Кладбище брошенных душ, и до появления лекаря — описывался лишь вскользь. Читатель и подумать не мог, что в эти темные часы будущий властелин мира всерьез пытался покончить с собой.

Разорванные меридианы лишили его способности двигаться, но язык все еще повиновался ему. И судя по сочившейся крови, мальчик действительно вознамерился оборвать свои мучения.

Вся суть характера Лэй Лижэня отражалась в его имени: он был острым клинком, не знающим колебаний. Потеряв возможность практиковать боевые искусства, он страдал не столько от физической немощи, сколько от невыносимого, выжигающего изнутри позора.

Остаться беспомощным калекой, вынужденным вымаливать крохи со стола сильных — для него это было хуже самой мучительной смерти. Гордость не позволяла ему влачить жалкое существование.

Да, Лэй Лижэнь действительно готов был умереть прямо здесь.

Го Нуань понял, что больше не может просто стоять и смотреть на это медленное самоубийство. План побега придется отложить. Нужно удержать мальчишку от рокового шага, пока не прибудет подмога. В конце концов, сейчас этот грозный в будущем каратель не опаснее младенца и уж точно не причинит вреда маленькому глупому псу.

<http://bllate.org/book/20621/2115760>